

Глава 4

События, разворачивающиеся на маленькой площади в глухом переулке, к тому времени собрали толпу людей. Некоторые пришли из окрестных переулков, в то время как многие другие заняли окна, выходящие на тускло освещенную площадь. Они молча смотрели, как продолжались искренние рыдания женщины, по-видимому, не желая мешать сцене, разыгрывающейся перед ними.

Со своего места за импровизированной сценой Людмила молча переваривала события, приведшие к представшей перед ней сцене. До этого момента она была не в состоянии понять очень мало смысла в их курсе до сих пор. Причина, по которой эта высокородная леди, имевшая прямое отношение к королю, прошла полгорода пешком до какого-то забытого переулка на границе трущоб, была полной загадкой.

Откровение о том, что леди Шалти была божественным заклинателем, пролило некоторый свет на вопросы, которые продолжали возникать в голове Людмилы. Для священника не было бы чем-то необычным прийти и служить людям. Были ли ее служители, одетые в свои прекрасные алебастровые одежды, Послушниками? Их единообразный внешний вид подтверждал эту мысль. Легкую, почти прозрачную ткань одежды ее слуг, возможно, можно было бы найти в гораздо более теплых регионах мира. Однако черное платье и болеро леди Шалти с серебристо-карминовыми отблесками не подходили к облачению ни одной религии, с которой она когда-либо сталкивалась или о которой читала.

Что она за священник такой? Она удивлялась про себя.

“Священнослужитель”.

Голос леди Шалти вырвал Людмилу из ее мыслей, и она сосредоточила на ней свое внимание.

“Священнослужитель”, - снова последовала поправка, - “не священник”.

Именно тогда она поняла, что в какой-то момент высказала свои мысли вслух. Хотя эти слова снова заставили ее замолчать, она не смогла скрыть сомнительное выражение, окрасившее ее лицо. Священнослужители были частью священства каждой религии, о которой она знала. Хотя их часто обучали и специализировали для боя, они обычно не возражали против того, чтобы их называли священниками. Глядя на спину хрупкой фигуры перед собой, она не могла представить себе женщину, настолько меньшую, чем она сама, стоящую на переднем крае ожесточенной битвы: поддерживающую своих союзников и обрушивающую божественный гнев на своих врагов.

“Но, конечно же, вы здесь для того, чтобы служить людям?” - Спросила Людмила.

Это был первый раз с тех пор, как они встретились друг с другом, когда Людмила привлекла внимание леди Шалти, поэтому она быстро отбросила свои сомнения по поводу предыдущего заявления, чтобы надавить на нее с вопросами. Как Богдан заботился о нуждах ее деревни, так и священнослужители больших и малых городов служили своему собственному населению. Они давали духовное руководство, занимались благотворительностью, и хотя юридически они не обладали политической властью в Восстановлении, Храмы обладали определенной степенью культурного влияния и определенными правами в отношении использования божественной магии.

Она озвучила свой вопрос, и поза леди Шалти на мгновение напряглась. Последовало короткое молчание. Веер, которым она лениво помахивала перед лицом, захлопнулся. Она плавно

повернулась, слегка наклонив голову, шелковые складки ее платья закружились вокруг нее.

Хотя Людмила мысленно взяла себя в руки, увидев, как Священнослужитель возлагает руки на избитую и больную проститутку, она почувствовала, как у нее перехватило дыхание, когда то, что она сейчас увидела, приковало ее ноги к земле.

Как и в случае с Набом Тьмы, у леди Шалти было два появления.

Первое – это была несравненная красота – намного превосходящая красоту Набе, – то, во что Людмила не поверила бы, если бы не была свидетелем этого сама. Роскошные серебристые волосы Жрицы были собраны в конский хвост, ниспадающий по всей длине спины. Длинные, ленивые локоны ниспадали на нежное лицо идеальной формы; ясные и яркие малиновые глаза смотрели на нее из-под длинных серебристых ресниц. В ярком контрасте с бледной кожей, напоминающей фарфоровую куклу, ее щеки горели живым румянцем, а маленькие мягкие губы приоткрылись в намеке на соблазнительную улыбку.

Это была завораживающая внешность, перед которой мог пасть любой; любые чувства ревности или зависти были сметены преклонением и желанием. Богатство и власть сверх всякой разумной меры были бы растрчены впустую, чтобы добиться хотя бы мгновения ее благосклонности. Она обладала легендарной красотой, которая могла свергать народы и разжигать войны, которые поджигали мир, и мир с радостью превратился бы в пепел ради нее. Но даже когда Людмила стояла, очарованная этим видением, ее Талант заставил ее осознать второе, ужасающее явление, которое скрывалось за первым.

Как и рука, которую она видела раньше, бледная плоть была натянута на лицо, которое вызывало темный и первобытный страх глубоко внутри нее. Ее рот, приоткрытый в жуткой улыбке, был невероятно широким, с тонко растянутыми бледными губами вокруг него. По всей внутренней части ее рта ряд за рядом располагались злобно изогнутые, острые, как иглы, зубы, очень похожие на миноги, которых иногда можно было найти вцепившимися в бока рыбы, выловленной из реки. Длинный красный язык извивался внутри, пробегая по ковру зубов, как мясистый рашпиль. Плавающие малиновые глаза сияли из своих темных впадин, и Людмила чувствовала себя не более чем беспомощной добычей. Даже блестящие серебристые пряди, обрамлявшие ее лицо, казалось, вот-вот шевельнутся сами по себе.

Пока Людмила стояла, ошеломленная увиденным, леди Шалти, казалось, оценивала ее реакцию. Уголок рта леди Шалти дернулся, и когда показалось, что больше ничего не услышит от девушки, неподвижно стоящей перед ней, она выпрямилась из своей застенчивой позы, чтобы заговорить.

“Это воля Аинза Оал Гоуна, Короля-Волшебника, чтобы Его владения были маяком процветания и гармонии для всего мира”.

Ответ леди Шалти явно предназначался не только Людмиле, и ее мягкий, мелодичный голос легко зазвенел на площади.

“Милостью Его Величества вам предоставлена защита как Его гражданам”.

Рука, держащая сложенный веер, взметнулась над зрителями, окружившими площадь, когда она широким жестом отвернулась от Людмилы. Ее женственная фигура соблазнительно покачивалась в свете жаровен, когда она возвращалась в центр площади. К этому моменту Людмила могла видеть толпу людей, собравшихся в их окрестностях – даже с крыш смотрели люди.

Темп леди Шалти замедлился, когда она вернулась, чтобы снова встать возле сложенных ящиков. Исцеленная проститутка взяла себя в руки и опустилась на колени вместе со своими спутниками. Взгляд Жрицы осмотрел окрестности, прежде чем, наконец, остановился на деревянных контейнерах перед ней. Проследив за этим взглядом, Людмила увидела, что на углу одного из ящиков лежало жалкое на вид растение. С маленькими бело-желтыми цветами, она узнала его как тот, который обычно растет из трещин в мостовой и каменной кладке города.

Достав шелковый носовой платок, леди Шалти осторожно подняла цветок, положив его на ткань, которую нужно было сложить внутри. Затем, держа скромную дань уважения в левой руке, она подняла правую.

""Врата".

Позади того места, где лежали коробки, в воздухе открылась дыра – она была похожа на ту, что появилась на складе в Уорденс-Вейл. Достаточно широкий, чтобы несколько взрослых мужчин могли поместиться плечом к плечу, и такой же высокий, он бесшумно парил в чернильной темноте. Послушник с ручкой и планшетом подошел и встал перед леди Шалти.

“Актер Пандоры будет знать, что с этим делать”, - сказала Жрица, передавая завернутый цветок своей служанке, которая протянула ладони, чтобы принять его.

Рука леди Шалти лениво указала на ящики в пренебрежительном жесте.

“Верни это”.

Когда она отвернулась, подошел другой служащий, чтобы забрать один из ящиков. Глухой звук, который он издал, ударившись о другие, оторвавшись от земли, наводил на мысль, что он был пуст. Встав в ряд с другим Послушником с планшетом, они шагнули вперед в дыру в воздухе и исчезли.

Через мгновение Послушники снова появились с такими же ящиками, но они издавали более солидный шум, когда их ставили на место тех, что унесли. Служители ходили взад и вперед, казалось, не уставая и не обращая внимания на свою ношу. На глазах у толпы служители в конце концов заполнили место, ранее занимаемое пустыми ящиками, аккуратно расставив их позади леди Шалти.

“Воля Его Величества в том, чтобы Его народ не нуждался в убежище или продовольствии”, - конец фразы леди Шалти был отмечен глухим стуком, когда последний из ящиков опустился на землю позади нее. “Его воля заключается в том, чтобы его народу были обеспечены безопасность и стабильность для процветания – независимо от их способностей, рода занятий или положения”.

Когда леди Шалти в очередной раз кружилась по площади, ее покачивающиеся движения и грациозные шаги казались почти танцем – более подходящим для полированных полов дворцового двора, чем грязь и лужи переулка. Роскошные шелка ее черного бального платья струились по земле, и сладостный звук ее голоса заполнил площадь; те, кто наблюдал, стояли, замороженные открывшимся перед ними видением. Это было так, как если бы они перенеслись в легендарную песню и стали свидетелями благородного человека высочайшего уровня. Их тесный и грязный переулок превратился в величественные дворы какой-то обширной империи, где леди перед ними обращалась не к сброду завоеванного города, а к главам великих домов и правителям, восседающим на своих тронах. В одной руке она держала исцеление и спасение; в другой она предлагала мир, процветание и надежду на лучшее будущее.

Пока она говорила, все служащие вернулись и открыли только что прибывшие ящики. Они обнаружили продукты питания – основные продукты питания, овощи и куски мяса. В других были мотки льна и льна, клубки шерстяной пряжи и катушки простых ниток. Можно было видеть, как уголь и древесный уголь заполняют другие до сих пор, а также поленья и дрова для растопки. Огромное количество предметов первой необходимости было разложено позади леди Шалти, когда она продолжала говорить, придавая своим словам простой для понимания весомости.

“Те, кто стремится служить под Его властью, будут вознаграждены в равной мере”, - леди Шалти положила руку на плечо женщины, за которой она ухаживала. “Тем, кто осмелится причинить вред тому, что принадлежит Ему, не будет даровано пощады”.

Свободной рукой она подозвала Послушника, чтобы тот вышел вперед. Тут же одна из великолепных женщин, одетых в алебастровые шелка, встала перед ней и низко поклонилась.

“Тот, кто сделал это”, - голос леди Шалти был отчетливо слышен на всей площади, когда она отдавала распоряжения. “Найди его и приведи сюда”.

Женщина подняла голову, и Людмиле показалось, что она увидела хищный блеск в ее темных глазах, прежде чем она отвернулась и направилась прямо к краю толпы на противоположной стороне площади. Прохожим потребовалось мгновение, чтобы понять, что последние слова, которые они услышали, были приказом, но после этого осознания в направлении, в котором шла женщина, возникло беспокойство. Толпа повернула головы. В стене людей образовался небольшой проем, в котором показался высокий, долговязый мужчина с внешностью обычного рабочего. Он уже сделал несколько шагов, пытаясь протолкнуться сквозь толпу, но было слишком поздно.

""Удержание вида"."

Мужчина застыл на полпути, магически парализованный заклинанием леди Шалти, его руки были вытянуты перед ним, когда он пытался протолкнуться сквозь стену людей на пути. У окружающих его людей даже не было достаточно времени, чтобы осознать, что произошло, когда Послушница полностью подхватила его на руки, неся мужчину, как полный деревянный манекен, обратно к своей госпоже с не более заметным усилием, чем она показала, когда доставляла наполненные ящики.

Леди Шалти кивнула, открывая новые Ворота. Мужчина все еще был заморожен, когда его унесли навстречу какой-то неизвестной судьбе.

Завороженное чувство, охватившее толпу, частично рассеялось из-за суматохи, но заявление Священника все еще эхом отдавалось в их умах. Леди Шалти отвергла идею о том, что она священник, но то, что произошло, передало послание более сильное, чем любая проповедь, которую Людмила когда-либо посещала. Когда она оглядела площадь, на лица в толпе, все присутствующие были явно тронуты ее словами.

Нет... Вместо того, чтобы сдвинуться с места, что-то пустило корни. Хотя появление леди Шалти в неприкрытом виде несколько смягчило прием, оказанный Людмиле в ее собственных глазах, она все еще чувствовала притягательность ее слов. Более холодная, более расчетливая часть ее разума встревожилась – в сердцах здешних людей был зажжен уголек, и из глубины скромных переулков Э-Рантеля он распространится и, возможно, подожжет всех его граждан вечерним посланием. Это было то, чего многие аристократы одновременно искали и боялись, то, что могло стать чрезвычайно опасным, если бы вышло из-под контроля.

Пока она наблюдала, как люди медленно расходятся, служители заняли позиции в центре площади, распределяя припасы по очередям, образовавшимся после того, как их госпожа ушла со сцены. Благотворительность также была составной частью различных вероисповеданий, но само изобилие перед ней вскоре разорило бы даже самый большой из городских храмов. Наблюдая за их работой, Людмила почувствовала, как рядом с ней возникло чье-то присутствие.

“Баронесса Заградник”.

Людмила посмотрела вниз на знакомый голос, и ее тело подпрыгнуло – большая часть того, что появилось под ней, была зияющей ямой острых, как иглы, зубов. Она была только благодарна, что тоже не закричала. Небольшой рост леди Шалти, безусловно, позволял ей передвигаться незамеченной, если она намеренно не привлекала к себе внимания. У Людмилы было очень много вопросов к ней, но все, о чем она думала, казалось, хотело выйти наружу одновременно, в результате чего ее рот открывался безмолвно и не более того.

Священнослужителя в черной мантии, казалось, позабавила ее реакция, и он легко взял Людмилу за локоть.

“Давайте поговорим наедине в другом месте”.

<http://tl.rulate.ru/book/82817/2627347>